

ОБРАЗОВАНИЕ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

*Н.В. ЛАТОВА***Роль профессионального образования
в воспроизводстве
российского рабочего класса***

Анализ осуществляется на материалах проекта “Образование, рынок труда и социальное поведение молодежи в современной экономической ситуации”. Информационную базу составили данные опроса студентов средних специальных учебных заведений (ссузов), готовящих квалифицированных рабочих и служащих, которые до 2013 г. входили в систему начального профессионального образования (НПО). Основной функцией этих ссузов остается воспроизводство российского рабочего класса, поскольку обучение в них практически не меняет “на выходе” большее число желающих работать по сравнению с желающими учиться дальше, которое наблюдается “на входе”. Выполнение функции воспроизводства рабочего класса осложняется слабостью механизмов трудоустройства выпускников этих ссузов, и они выполняют эту функцию лишь на 50%. Чтобы лучше удовлетворить запросы основной массы студентов, “низшим” ссузам необходимо уделять больше внимания трудоустройству своих выпускников.

Ключевые слова: рабочий класс, молодежь, образование, трудоустройство, начальное профессиональное образование, подготовка квалифицированных рабочих и служащих, воспроизводство рабочего класса, прекариат.

Этот гибкий рабочий класс

Марксизм и социальная теория рабочего класса родились практически одновременно. Классический марксизм XIX в. презентовал себя как пролетарскую идеологию, призванную выражать интересы именно рабочего класса — самой передовой социальной группы. История XX в. показала, однако, что революционный потенциал марксизма оказался ограниченным. К последней трети века он стал лишь одной из многих других идеологий. Такой “закат марксизма” связан с глубокой трансформацией рабочего класса, который в современном мире сильно отличается от классических образцов позапрошлого века и давно уже не претендует на звание “самого передового”.

Традиционная марксистская трактовка рабочего класса строится на основе критерия общественного разделения труда. Различие между классом рабочих (эксплуатируемые) и классом капиталистов (эксплуататоров) определялось как различие “между массой, занятой простым физическим трудом, и немногими привилегированными, которые

*Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект “Образование, рынок труда и социальное поведение молодежи в современной экономической ситуации” № 14-18-01985) в Институте социологии РАН. Автор выражает глубокую благодарность Ю. Латову за ценные советы при подготовке статьи.

руководят работами, занимаются торговлей, государственными делами, а позднее также искусством и наукой” [Энгельс 1961, с. 186]. Данный подход к пониманию рабочего класса соответствовал условиям классического капитализма XIX–XX вв., но постиндустриальная революция внесла в это понятие и в связанные с ним социальные характеристики существенные коррективы. Такие атрибуты рабочего класса, как простой физический, малоквалифицированный труд, исключение из процесса принятия производственных решений, низкий уровень образования и доходов, высокая классовая сплоченность, низкая социальная мобильность, в постиндустриальном обществе уже не так однозначны. Более того, можно сказать, что флексибилизация – гибкость социальных характеристик – стала главной тенденцией развития рабочего класса в последние полвека [Жвитуашвили 2013; Батуренко 2011; Макарова 2006; Abramowitz, Teixeira 2009; Heath 1998; Halle 1984].

Социальная флексибилизация рабочего класса проявляется в следующих основных явлениях:

- рост значения умственной деятельности в труде. На смену абсолютному доминированию физического труда приходят новые его виды, и остается все меньше профессий, где “сила есть – ума не надо” (это проявляется в росте значения квалифицированного труда и, соответственно, профессионального образования);

- вовлечение рабочих в институты экономической демократии. Полное отчуждение наемных работников от контроля над производством постепенно уходит в прошлое. Современные теории менеджмента специально акцентируют внимание на необходимости привлекать рабочих к управлению (вплоть до развития “рабочего капитализма”);

- рост вовлеченности рабочих в систему андрагогического образования. Постоянство труда по раз освоенной рабочей профессии тоже уходит в прошлое: в условиях быстрых производственных изменений рабочие вынуждены регулярно переучиваться, осваивать новые навыки либо новые профессии;

- сильная дифференциация доходов. Если у классических пролетариев зарплата тяготела к универсальной “стоимости рабочей силы” (или даже к прожиточному минимуму), то для современных рабочих характерны сильные различия в уровне доходов – одни скромно живут “от получки до получки”, другие получают доходы на уровне среднего класса;

- потеря единого классового сознания. На смену некогда единому рабочему классу приходит пестрый конгломерат социальных групп, разбросанных в широком диапазоне между средним и андерклассом, у которых трудно найти единый интерес и которые участвуют в разных социальных конфликтах;

- высокая вертикальная и горизонтальная социальная мобильность. В классическом индустриальном обществе дети и внуки рабочих, как правило, тоже становились потомственными пролетариями. В современном мире довольно часто поколения одной семьи могут относиться к различным социальным группам.

Перечисленные тенденции развития в первую очередь типичны для развитых стран. Что же касается стран догоняющего развития, к числу которых относят и Россию, то здесь эти тенденции проявляются менее ярко, “смазанно”, анклавно. Переход в постиндустриализм стран “золотого миллиарда” приводит к “сбрасыванию” материального производства в периферийные и полупериферийные страны, где черты традиционного индустриализма временно укрепляются. При этом даже в отстающих странах есть “островки” постиндустриальной экономики (например, Бангалор в Индии), где происходят те же процессы флексибилизации рабочего класса, что и в странах ядра современной мировой экономики.

Воспроизводство рабочего класса (как и любой другой социальной группы) включает два процесса – самовоспроизводство и межклассовую мобильность. С одной стороны, в России часто можно наблюдать “рабочие династии”, когда выходцы из рабочих семей сами становятся рабочими, создают семьи, породнившись с выходцами из других рабочих семей, и своих детей они тоже стремятся вырастить рабочими. Такой – наследственно-потомственный – тип (само)воспроизводства социальной группы наиболее

органичен для азиатских каст, но он ярко выражен и в средневековых сословиях, и в “модерновых” классах.

С другой стороны, по мере эволюции общества социальные группы становятся все менее замкнутыми и эндогамными, все более мобильными. Одним из важнейших социальных механизмов, работающих на “размыкание” социальных групп, является именно система образования [Lehmann 2014; Byrom, Lightfoot 2013]. Даже если образование работает в значительной степени на самовоспроизводство социальной группы, оно воспроизводит ее не в статичном, а в изменяющемся виде, как “свое иное”. Это справедливо для любых социальных групп, и в особенной степени — для рабочего класса.

Важно отметить роль образования как социального лифта. Скажем, в истории советской России хорошо видно, как при помощи системы профессионального образования в ряды рабочего класса активно втягивались бывшие крестьяне, а выходцы из рабочих семей через систему высшего образования пополняли слои интеллигенции и руководящего аппарата. Этот механизм продолжает работать и в наши дни.

Образование как механизм воспроизводства функционирует далеко не идеально. В частности, асинхронность развития системы образования и производственной сферы может порождать разрывы между спросом на рынке труда и предложением на образовательном рынке. Чаше всего система образования “убегает вперед”, нацеливаясь на массовую подготовку специалистов, для которых пока нет достаточного количества рабочих мест. Именно так происходит в современной России, где сложилось пренебрежительное отношение к рабочим профессиям, хотя отечественное производство, пережившее в 2000-е гг. реиндустриализацию, страдает от дефицита рабочих кадров [Костина, Орлова 2015; Кочетов 2011; Зборовский, Шуклина 2003]. Рассмотрим на материалах социологических опросов¹, проведенных в 2014 г., как отечественная система профессионального образования, предназначенная в первую очередь именно для воспроизводства рабочих, выполняет эту свою главную функцию.

Дороги, которые выбирают выпускники средних специальных учебных заведений

В предыдущей статье [Латова 2016] на основе анализа социального происхождения студентов “низших” ссузов² было показано, что основной контингент молодых людей, заинтересованных в образовании по программам подготовки квалифицированных рабочих и служащих, — это прагматично настроенная молодежь, сознательно избегающая вузов и стремящаяся как можно быстрее начать трудовую деятельность. Другими словами, ожидания молодежи, ориентированной на обучение в данном типе учебных заведений, связаны в первую очередь именно с воспроизводством рабочего класса, а не с получением возможностей социальной мобильности.

Такая изначальная нацеленность еще не означает, что в процессе обучения у студентов не происходит изменений в ее умонастроениях и жизненных планах. Несомненно *очень* существенная разница между школьным образованием, мало учитывающим

¹ Исследование проведено в сентябре–октябре 2014 г. Кроме региональных квот, в выборке при исследовании учащихся учреждений по подготовке рабочих кадров (510 учащихся последнего года обучения) также учитывались статистические пропорции численности учащихся образовательных учреждений. Контингент обучающихся в профессиональных училищах делится на три группы по уровню образования. Две группы включают тех, кто обучается на базе среднего (полного) общего образования (66,5 тыс. человек в 2012–2013 гг., то есть 8,9% от общей численности обучающихся очно) и кто обучается на отделениях на базе основного общего образования с получением в ходе профессионального обучения, в том числе и среднего общего образования (626,2 тыс. человек в 2012–2013 гг., то есть 83,6%). Третья группа включает студентов, во время профессионального обучения не получающих среднего (полного) общего образования, — 55,9 тыс. человек в 2012–2013 гг., то есть 7,5%. Доля учащихся профессиональных училищ, подлежащих опросу в обследуемых субъектах РФ (последний курс), соотнесена с приведенными статистическими показателями по учащимся последнего года обучения дневных отделений.

² В данной статье понятием “низшие” ссузы обозначаются средние специальные учебные заведения, готовящие кадры квалифицированных рабочих и служащих (в противовес “вышним” ссузам, то есть средним специальным учебным заведениям, которые работают по программам подготовки специалистов среднего звена).

интересы и способности отдельно взятого ученика, и средним специальным образованием, в котором делается упор на конкретную область профессиональных интересов. Можно предположить, что переход от школьной скамьи к более серьезному специализированному образованию по сознательно выбранной профессии дает импульс к расширению и углублению образования.

Ранее отмечалось [Латова 2016], что доля студентов, указывающих в качестве мотива выбора будущей профессии интерес к ней, составила 66%. Вполне вероятно ситуация, при которой они, приходя в “низший” ссуз с целью скорейшего начала трудовой деятельности, к окончанию начальной ступени среднего специального образования осознают необходимость продолжения образования, и тогда данный его этап будет служить не столько воспроизводству рабочего класса, сколько межклассовой мобильности.

Чтобы выяснить, как соотносятся в системе профессионального образования процессы воспроизводства/мобильности рабочего класса, обратимся к данным о жизненных планах студентов “низших” ссузов после завершения образования по программам подготовки квалифицированных рабочих и служащих (см. рис. 1).

Как показывают ответы респондентов на вопрос “Что вы планируете делать после окончания этого учебного заведения?”, подавляющее их большинство (75%) намерены идти работать. Противоположные варианты жизненных планов – ситуации, когда молодые люди не планируют работать (таких 22%). Впрочем, среди тех, кто не планируют работать сразу после окончания ссуза, большинство все-таки работать будут – либо после возвращения юношей из армии (призыва после окончания учебы ждут 12%), либо после завершения учебы в другом учебном заведении (учиться дальше после окончания “низшего” ссуза планируют 8%). Остальные, не планирующие начать трудовую жизнь, – девушки, которые “посвятят себя семейной жизни” (1%), и небольшая группа молодых людей, вообще не имеющих никаких жизненных планов (1%), то есть “ничего не собираются делать” после окончания учебного заведения. Еще порядка 3% студентов не конкретизировали свои жизненные планы.

Рассмотрим теперь другой вариант жизненной траектории выпускников – не “учеба–работа”, а “одна учеба–другая учеба”. Среди студентов-выпускников “низших” ссузов продолжить образование в той или иной мере стремятся порядка 40%. Из них 8% намерены сразу после завершения образования по программам подготовки квалифицированных рабочих и служащих продолжить обучение (без совмещения учебы с работой). Еще 24% планируют совмещать работу и учебу и порядка 8% хотели бы начать трудовую деятельность, а позже, возможно, продолжить образование.

Итак, полученные нами данные свидетельствуют, что на момент завершения образования в “низших” ссузах соотношение тех, кто ориентированы на трудовую деятельность, и тех, кто хотели бы продолжить образование, составляет 75:40. Но основываясь только на этих данных, преждевременно делать вывод о стремлении студентов “низших” ссузов к повышению качества своего образования или, другими словами, расширению человеческого капитала. Чтобы окончательно разобраться с процессом формирования рабочего класса и заодно дать оценку деятельности средних специальных учебных заведений, готовящих квалифицированных рабочих и служащих, обратимся к данным о тех, кто на самом деле рассматривают обучение в “низшем” ссузе как трамплин к расширению и углублению своих знаний, то есть желают в дальнейшем получить высшее образование. Для этого первоначально обратим внимание на группу “вузоискателей”, которые с самого начала ориентировались на вуз (ответы “после этого учебного заведения легче поступить в вуз” и “хотели бы поступить в вуз, но пришлось изменить планы”). Напомню, что таковых студентов оказалось 15%. Кто же они?

Сравнение студентов, изначально ориентированных на высшее образование, со всеми остальными студентами “низших” ссузов (см. табл. 1) свидетельствует, что выделенная группа заметно меньше уверена в выборе специальности, чем остальные (разница в 20 процентных пункта). Такой результат ожидаем: те, кто рассматривали “низший” ссуз как “трамплин” в вуз, слабо заинтересованы в той профессии, которой обучают в ссузе: овладение ею для них – лишь побочный продукт “вузоискательства”.

Жизненные планы студентов “низших” ссузов (в %)

Жизненные планы	Студенты, изначально ориентированные на получение высшего образования	Студенты, изначально не ориентированные на получение высшего образования
Уверенность в правильности выбора будущей профессии		
Уверены полностью	57	77
Не совсем уверены и не уверены полностью	43	23
Планы после окончания учебного заведения		
Поступят на работу	16	41
Продолжат учиться сразу после окончания этого учебного заведения	21	5
Будут совмещать работу с учебой	28	25
Поступят на работу, а через некоторое время продолжат учиться	21	12
Будут ждать призыва в армию, посвятят себя семейной жизни, ничего не собираются делать, другое	13	17
Место дальнейшего обучения³		
Профессиональные курсы	5	26
Другой “низший” ссуз	8	8
Колледж	11	16
Вуз	76	50

Вполне ожидаемо и то, что студенты, изначально ориентированные на продолжение обучения, после окончания учебы заметно чаще выбирали жизненные траектории, связанные с дальнейшим обучением. Однако сразу продолжить образование намерены только 49% из этой группы (те, кто хотят продолжать учиться сразу после окончания этого учебного заведения, и те, кто стремятся совмещать работу с учебой), то есть только 8% от всего состава обучающихся в “низших” ссузах. Отмечу, что в группе студентов, изначально не ориентированных на продолжение обучения, тем не менее, сразу продолжают обучение 30% от числа группы (25% от численности всех студентов)⁴.

Немаловажно понять, куда в дальнейшем настроены идти учиться студенты “низших” ссузов, так как обучение в вузе – лишь один из вариантов; можно пойти на следующую ступеньку образования – колледж (“высший” ссуз), на повышение квалификации, на смену специализации (профессиональные курсы) или даже в другой “низший” ссуз. Однако социальной мобильности способствует не столько количество времени, затраченного на обучение (хотя и оно играет определенную роль), сколько

³ Расчет производился только среди тех студентов, которые собрались продолжать обучение сразу после окончания этого учебного заведения (ответы “*продолжу учиться сразу после окончания этого учебного заведения*” и “*буду совмещать работу с учебой*”).

⁴ Еще 13% от численности всех студентов “*поступят на работу, а через некоторое время продолжат учиться*”. Так как эти отложенные образовательные планы могут и не реализоваться, в дальнейшем эта группа студентов не анализируется.

качественный уровень образования, который связывается именно с образованием в высших учебных заведениях.

Согласно опросу, большая часть тех, кто изначально хотели попасть в вуз и не изменили своего решения, на самом деле планируют продолжить образование в вузе — 76% (хотя пересчет на всю совокупность опрошенных дает всего лишь 5%). Среди тех, кто не планировали поступать в вуз, но в ходе обучения осознали необходимость повышения образования, только половина (50%) выбрали вуз. В пересчете на всю совокупность опрошенных это 13%. Таким образом, строя политику приема в “низшие” ссузы на лозунгах типа “ссуз — трамплин в вуз”, эти учебные заведения действуют в интересах не более чем пятой части контингента обучающихся. Одновременно следует отметить, что ссузы, готовящие квалифицированных рабочих и служащих, в наименьшей степени “подталкивают” выходцев из рабочего класса к переходу в другие социальные группы посредством поощрения стремления к образованности.

Изучив жизненные планы студентов “низших” ссузов с точки зрения их нацеленности на дальнейшее образование, можно прийти к выводу, что указанная выше пропорция ориентированных на трудовую деятельность (на воспроизводство рабочего класса) и тех, кто хотели бы продолжить получение образования (способствующего социальной мобильности, то есть высшего), составляет 75:18. Интересно, что данное соотношение “на выходе” практически равно наблюдаемому “на входе” при анализе ожиданий от обучения в “низших” ссузах (73:15).

Таким образом, отечественная система профессионального образования, готовящая квалифицированных рабочих и служащих, остается системой воспроизводства рабочего класса. Она принимает на обучение в основном тех, кто намерены трудиться рабочими, и выпускает в основном молодых людей с таким же настроем, не внося заметных коррективов в их предпочтения.

Каналы и тупики трудоустройства выпускников “низших” ссузов

Мы определились с ролью начальной стадии среднего специального образования в формировании класса рабочих. Однако все еще остается открытым вопрос о качестве контингента, пополняющего ряды этого социального класса. Другими словами, необходимо понять, насколько ориентации и ожидания рабочей молодежи подкрепляются образованием, которое они выбрали. Следует полагать, что отдача от него будет тем эффективнее, чем большая часть рабочей молодежи начнет трудовую деятельность по полученной специальности.

Как уже отмечалось, после завершения учебы намерены идти работать порядка 75% учащихся “низших” ссузов. Правда, следует оговориться, что исключительно на работу ориентировано лишь 37%, а остальные 38% рассчитывают либо совмещать работу с учебой, либо вернуться к учебе несколько позже. В то же время среди тех, кто настроены после окончания своего учебного заведения начать трудовую деятельность, далеко не все хотят работать по полученной в ходе обучения специальности. Чтобы понять, почему они не настроены реализовать в своей жизни нормативный сценарий трудовой биографии (получил профессию — начал именно по ней работать), рассмотрим ответы респондентов, планирующих работать после завершения учебы, на анкетный вопрос “Как у вас обстоят дела с местом работы после окончания учебы?” (см. табл. 2). Для полноты картины сравним ответы двух групп студентов — тех, кто планируют начать работу по специальности (57%), и тех, кто собираются работать, но не по специальности, или затрудняются точно ответить, по какой специальности они будут работать (18%).

Материалы опроса с определенной очевидностью демонстрируют, что у студентов, решивших начать трудовую деятельность и при этом выбравших в качестве работы

Каналы трудоустройства студентов “низших” ссузов (в %)
(допускалось до 3-х ответов)

Каналы трудоустройства	Студенты, ориентированные работать по специальности	Студенты, ори- ентированные работать не по специальности и неопределив- шиеся
Помощь учебного заведения		
В учебном заведении есть система распределения на работу	35	13
У учебного заведения есть связи с предприятиями	23	6
В учебном заведении проводят встречи с работниками предприятий	11	6
Нашли место работы, когда были на практике	11	6
Помощь ближнего окружения		
Рассчитывают на помощь друзей, сверстников	9	16
Рассчитывают на помощь родителей, на связи родственников, знакомых семьи	19	19
Помощь государства		
Обратятся в центры по трудоустройству, на ярмарки вакансий, на биржу труда	18	13
Самостоятельный поиск работы		
Используют Интернет (будут рассылать через Интернет заявки о себе, искать объявления о работе)	12	13
Могут рассчитывать только на себя	17	31

именно ту специальность, которую они получили в учебном заведении, в каналах трудоустройства доминирует использование методов, связанных с помощью их “родного” учебного заведения: в первую очередь, им помогает система распределения (35%) и во вторую — связи учебного заведения с предприятиями (23%). В то же время молодые люди, решившие начать работать, но не желающие работать по приобретенной специальности либо затрудняющиеся определиться в вопросе трудовой специальности, активно рассчитывают на самостоятельный поиск работы, причем в довольно неопределенной форме — “могу рассчитывать только на себя” (31%).

Важно отметить, что даже твердо настроенные на работу по профессии, не все уверены в реализации своих планов: на вопрос “Уверены ли вы в том, что сумеете трудоустроиться по полученной вами специальности?” только 84% ответили “да”. Получается, что лишь 48% всех учащихся “низших” ссузов, по их самооценке, хотя и после завершения образования работать по специальности и уверены в осуществлении своих планов.

Можно сделать вывод, что в российских “низших” ссузах система трудоустройства выпускников функционирует со средним уровнем эффективности. С одной стороны, типичные выпускники “низших” ссузов гораздо чаще ориентируются на институционализированные каналы трудоустройства (распределение выпускников, производственная практика, связи ссуза с конкретными предприятиями и т.д.), чем на личные связи и самостоятельный поиск работы. С другой стороны, лишь примерно 45–50% выпускников намерены после выпуска работать по профессии и уверены в трудоустройстве, а остальные либо хотят работать по полученной специальности, но не уверены

в трудоустройстве по профессии (примерно 5–10%), либо планируют работать не по специальности (примерно 15–20%), либо вообще не планируют после выпуска работать (примерно 25–30%)⁵.

Не менее интересен и тот факт, что среди желающих сразу продолжить дальнейшее образование почти половина (45%, в пересчете на всю совокупность опрошенных студентов 15%) выбрали не вуз, а другие учебные заведения: 15% — колледж, а большая их часть (30%) задумываются о профессиональных курсах или о другом “низшем” ссузе. Конечно, “аккумулятивный образовательный ресурс (результаты обращения к различным формам обучения в процессе работы), соединенный с образованием, накопленным до начала трудовой деятельности, оказывает прямое воздействие на достигаемый уровень квалификации и размер зарплаты” [Чередниченко 2011, с. 106], но, на мой взгляд, это имеет смысл *после* получения первичного опыта трудовой деятельности. Наблюдаемые ориентации на дополнительное образование *до* апробации своих умений на практике скорее наводят на мысль о недостаточности знаний, полученных студентами в процессе обучения. Действительно, зачем сразу после выпуска (пока еще нет никакой амортизации полученных знаний) идти на профессиональные курсы или тем более в учебное заведение, аналогичное тому, которое только что закончено? В этом есть смысл только при наличии серьезных сомнений в качестве полученного образования⁶.

Данный вывод подтверждает предположение [Латова 2016] о недостаточном внимании “низших” ссузов к подготовке квалифицированных кадров рабочих/служащих. Возвращаясь к проблеме воспроизводства рабочего класса, можно заключить, что, оказывая недостаточную помощь своим выпускникам в трудоустройстве, “низшие” ссузы воспроизводят рабочий класс в искаженном виде. Речь идет о том, что очень многие молодые рабочие воспринимают свой новый социальный статус не как реальное достижение желаемой цели (“я *хотел стать хорошим рабочим — и стал им!*”), а скорее как формальное его достижение, которое может и не перейти в реальность (“я *хотел стать, но чувствую, что мне много не достает... а теперь сам не знаю, не ошибся ли...*”). Такой неуверенный в себе рабочий чувствует себя влившимся не в пролетариат, а скорее, в прекариат⁷.

Смутное будущее системы обучения квалифицированных рабочих и служащих: ликвидировать нельзя сохранить

Двойственные характеристики современных “низших” ссузов (попытки не только выполнять функции воспроизводства рабочего класса, но и одновременно играть роль социального лифта; подготовка квалифицированных рабочих и служащих, но с высокой долей неуверенных в трудоустройстве и/или не желающих работать по полученной специальности) обуславливают и двойственные перспективы их дальнейшего развития. Одни эксперты предсказывают, что в скором будущем эта система ссузов,

⁵ Следует учитывать также, что из тех 12%, которые собираются сразу после ссуза идти в армию, большинство после возвращения из армии станут работать.

⁶ Подтверждением этому служит детальное изучение мотивов продолжения учебы (не в вузе) среди студентов “низших” ссузов, ориентированных на совмещение учебы и работы. На первое место выходят два мотива: трудоустройство в стране и хорошая оплата труда. Причем для тех, кто хочет работать по специальности, мотив трудоустройства заметно превалирует над оплатой труда, то есть на данном этапе дополнительное образование рассматривается не как повод для повышения уровня квалификации, а скорее, как гарант трудоустройства.

⁷ Данное понятие предложил английский экономист Г. Стэндинг, опубликовавший в 2011 г. книгу “Прекариат. Новый опасный класс” [Стэндинг 2014]. Предлагая это новое понятие, Стэндинг как раз подчеркивал рост числа работников, для которых характерны “4 А”: *anxiety* — тревога из-за неопределенности; *alienation* — отчуждение из-за необходимости заниматься не тем, чем хочется; *anomie* — невозможность самоидентификации из-за разрыва социальных связей; *anger* — злость как результат предыдущих трех “А” (см. также [Бусыгина 2016; Гасюкова, Карачаровский, Ястребов 2016]).

ориентированная на подготовку квалифицированных рабочих и служащих, будет ликвидирована “как класс”; другие, наоборот, полагают, что она должна усиленно развиваться.

Критическую оценку перспектив “низших” ссузов можно найти, в частности, в докладе НИУ ВШЭ “Стратегия-2020: новая модель роста — новая социальная политика”. В 2013 г., сразу после формальной ликвидации НПО, авторы этого доклада отметили наличие острой проблемы “недостаточного масштаба и качества подготовки квалифицированных работников-исполнителей и низкой престижности соответствующих программ”. Для ее решения они предложили, с одной стороны, “создание программ прикладного бакалавриата в большинстве массовых вузов... и на базе учреждений СПО”, в результате чего произойдет “вхождение СПО в состав профильных вузов”, а с другой — “структурная реформа системы НПО/СПО, перевод ее в основном на короткие (до 6 мес.) программы прикладных квалификаций”. В результате реализации таких предложений основная часть “низших” ссузов превратится в “обучение на рабочем месте” продолжительностью не более года, а элитная их часть вместе с другими ссузами волеются в состав вузов, при этом прикладной бакалавриат “ликвидирует социальный разрыв между рабочими профессиями и присущим выпускникам вузов повышенным социальным статусом” [Кузьминов, Андрущак, Фрумин, Волков 2013, с. 279, 295].

Принципиально иную, менее революционную перспективу развития “низших” ссузов можно увидеть во многих других выступлениях по проблемам их судьбы в России. Недопроизводство “хороших рабочих” при перепроизводстве выпускников вузов рассматривается как аргумент в *защиту* ссузов, где, безусловно, нужны институциональные реформы, но при сохранении самой этой системы (см., например, [Митягина 2013]). В связи с этим, в частности, активно обсуждается необходимость возвращения тесного контакта между крупными отраслевыми предприятиями и ссузами (вплоть до реанимирования советской практики обязательного распределения⁸).

В выборе путей развития “низших” ссузов решающее слово принадлежит самой учащейся молодежи. Как показал опыт последней четверти века, российские учебные заведения в условиях так называемого рыночного хозяйства ориентируются в первую очередь на спрос потребителей (потенциальных учащихся) и только потом — на различные призывы ко всеобщему благу. Что же думают сами учащиеся о программах подготовки квалифицированных рабочих и служащих и о том, какое образование необходимо в современной жизни?

Отвечая на вопрос “Какое образование, по вашему мнению, необходимо сегодня для успеха в жизни?”, 45% сказали, что для успеха в жизни необходимо иметь высшее образование, однако 38% — сочли достаточным образование не выше среднего специального, хотя из них лишь 21% полагали, что для успеха достаточно образования в учебном заведении не выше “низшего” ссуза (на уровне технического лица или профучилища). Для осмысления этой информации сравним мнения современных учащихся “низших” ссузов с мнениями учащихся ПТУ начала 1990-х гг. и с мнениями современных школьников.

По данным опроса, в 1991 г. среди учащихся ПТУ 12 городов Центральной России только 15% считали, что для реализации их жизненных планов надо иметь высшее образование, 59% — рассчитывали на образование не выше среднего специального, в том числе 38% — не выше ПТУ [Собкин, Писарский 1992] (см. табл. 3). За прошедшие почти четверть века в глазах тех, кто учатся “на рабочего”, высшее образование

⁸ Например, на сервере “Российская общественная инициатива” в январе 2016 г. закончилось голосование по поводу следующего предложения: “Восстановить систему принудительного распределения по направлениям в государственные/региональные/муниципальные органы и организации выпускников учреждений высшего и среднего профессионального образования, обучавшихся бесплатно, то есть за счет средств федерального и иных бюджетов в соотношении 1 год работы по распределению за каждый год учебы...”. Поддержали эту идею всего чуть более 1200 граждан, но симптоматично, что против нее было подано гораздо меньше голосов, лишь 270 (<https://www.roi.ru/17829/>).

Сравнение представлений учащихся системы профессионального образования о необходимом для жизненного успеха уровне образования (в %)

Необходимый для жизненного успеха уровень образования	Учащиеся ПТУ/“низших” ссузов	
	ПТУ, 1991 г.	“низшие” ссузы, 2014 г.
Основная школа	5	4
Средняя (полная) школа	—	5
Профессиональные курсы	—	2
Профессиональное училище	34*	10
Среднее профессиональное образование	21	17
Высшее образование	15**	32
Два высших образования	—	13
Затруднились ответить	26	17

* При опросе 1992 г. речь шла о профессионально-технических училищах, которым в современной России наиболее соответствуют профучилища.

** При опросе 1992 г. 13,0% респондентов выбрали ответ “высшее образование”, 1,9% — “ученая степень”.

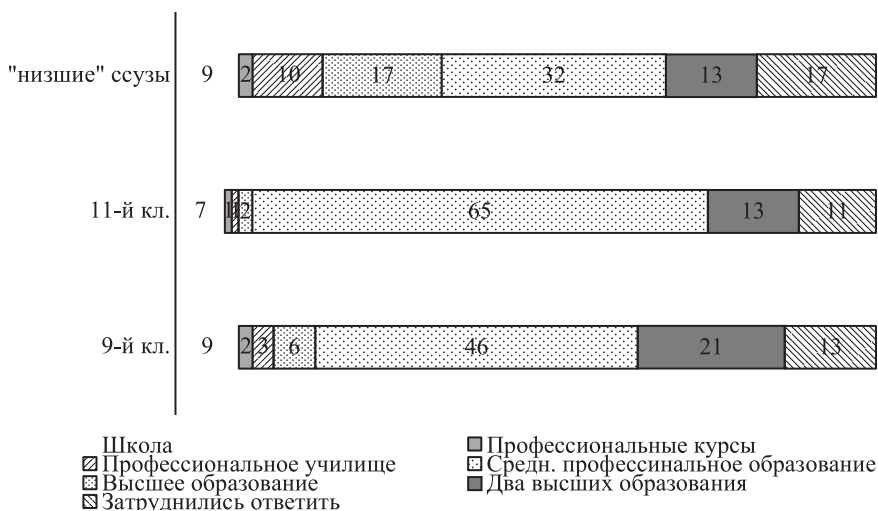

Рис. 2. Сравнение представлений учащихся школ и “низших” ссузов о необходимом для жизненного успеха уровне образования, 2014 г. (% респондентов).

трансформировалось из исключения в правило, а их собственное образование, наоборот, — из правила в исключение.

Сравнение мнений современных студентов “низших” ссузов с мнениями современных школьников показывает интересные различия. У тех и у других мода предпочтений приходится на высшее образование (см. рис. 2). При этом у максималистов-школьников (особенно у старшеклассников) однозначно превалирует ориентация на высшее образование (лишь около 20% учащихся 11-х классов полагают, что можно обойтись без высшего образования или затруднились с ответом). У студентов “низших” ссузов картина принципиально иная. Во-первых, 17% респондентов этой группы вообще не определились с тем, какое образование необходимо для успеха в жизни. Во-вторых,

как уже отмечалось, необходимость высшего образования отметили лишь 45% студентов. Складывается впечатление, что необходимость высшего образования для данного контингента учащихся — скорее общественный стереотип, чем жизненный ориентир. Пожалуй, следует согласиться со следующей точкой зрения: “К высшему образованию у молодых рабочих сформировалось двоякое отношение. Имея его, легче продвинуться по служебной лестнице, но оно не гарантирует больших, чем у них сейчас, заработков, а также стабильности” [Кремнева, Лукьянова 2015, с. 38].

Таким образом, анализ мнений молодых людей о том, какое образование им кажется необходимым для успешной жизни, показывает, что радикальные предложения экспертов НИУ ВШЭ преждевременны — в отличие от умеренных предложений по укреплению существующей системы. Представляется более разумным совмещение обоих подходов, исходя из базового общеобразовательного уровня студентов.

На данный момент система “низших” ссузов представлена тремя разновидностями, для каждой из которых целесообразно применить свой подход к реформированию:

— *отделения на базе среднего общего образования.* Для данного контингента (имеющего хорошую базовую подготовку) лучше подойдут две траектории получения рабочих профессий: предлагаемые в “Стратегии-2020” прикладной бакалавриат (в нынешней классификации системы образования в РФ это программы подготовки специалистов среднего звена) и короткие (до 6 мес.) программы прикладных квалификаций⁹. Первый вариант подойдет для тех, кто ориентирован на более серьезное образование, но не уверены в необходимости глубоких академических знаний, а второй — для тех, кто в ходе обучения в школе осознали нежелание дальнейшего обучения и хотели бы поскорее начать трудовую деятельность. В данном случае радикальные предложения представляются вполне уместными;

— *отделения на базе основного общего образования.* Это самая многочисленная группа обучающихся по программам подготовки квалифицированных рабочих и служащих, тех, кто и были основным объектом данного исследования. Кардинальные изменения в системе их образования не представляются уместными. Другое дело, что в данном случае изменений требует не столько сама система, сколько подход к обучению в ее рамках. Подтверждением этому служат тенденции, наблюдаемые в Европе, где профессионально-техническое образование и обучение стало частью среднего образования и рассматривается как необходимый элемент повышения экономической конкурентоспособности страны. Эти программы построены так, что идет либо параллельное обучение в школе и на предприятии, либо посещение образовательного учреждения чередуется с обучением на производстве. Данные программы признаются довольно затратными по сравнению с другими, поэтому здесь требуется гарантия дальнейшего трудоустройства [Education... 2015];

— *отделения на базе основного общего образования без получения среднего общего образования.* Данная группа состоит из тех, кто не хотят получать среднее общее образование и стремятся к скорейшему трудоустройству. В этом случае уместны короткие (до 6 мес.) программы прикладных квалификаций.

Таким образом, в данный момент не имеет смысла формировать связку между “низшими” ссузами и вузами, хотя такая связка правомерна для “высших” ссузов. Тем не менее следует признать, что в отдаленной перспективе (лет через 20–30, то есть через поколение) Россия, скорее всего, приблизится к пути, на который встали многие другие развитые страны: собственно рабочие профессии (“синие воротнички”) становятся уделом в основном трудовых мигрантов, в то время как высокообразованное коренное население занимается главным образом профессиями, связанными с умственным трудом (“белые воротнички”). Но слишком торопиться к этому “чуждому новому миру” не следует, в противном случае велика опасность маргинализации тех слоев, представители которых в настоящее время вполне комфортно чувствуют себя “у станка”.

⁹ Замечу, что короткие (до 6 мес.) программы прикладных квалификаций в первом и в третьем случаях во многом играют вспомогательную роль, так как основная их цель должна быть не основное, а дополнительное образование.

Подводя итоги анализа образовательного поведения студентов современных “низших” ссузов, следует сформулировать следующие выводы.

1. Основной функцией “низших” ссузов остается воспроизводство российского рабочего класса. Обучение в этих ссузах практически не меняет “на выходе” то абсолютное превалирование желающих работать над желающими учиться дальше, которое наблюдается “на входе” в “низшие” ссузы (примерно 5:1).

2. Выполнение функции воспроизводства рабочего класса осложняется слабостью механизмов трудоустройства выпускников этих ссузов. В целом “низшие” ссузы выполняют свою основную функцию — готовить рабочие кадры — примерно на 50% (такова доля тех студентов, которые хотят после завершения образования работать по специальности и уверены в реализации своих планов). Выполнению этой функции способствуют разнообразные институционализированные каналы трудоустройства. Другая же половина учащихся либо не уверены в трудоустройстве по профессии, либо не планируют работать по полученной профессии, — это кадры не столько пролетариата, сколько прекариата.

3. Следует согласиться, что предложение экспертов ОЭСР “укрепить взаимодействие между профессионально-техническими учреждениями и предприятиями и способствовать более качественному переходу от учебы к работе” [Экономические... 2014, с. 121] более уместно (по крайней мере, на ближайшие годы), чем идеи экспертов НИУ ВШЭ о поглощении всех ссузов (включая “низшие”) вузами. Укрепление связи “низших” ссузов с производством не только удовлетворит спрос на рабочие профессии на рынке труда, но и оправдает те ожидания, которые в данный момент возлагает молодежь на этот тип учебных заведений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Батуренко С.А. (2011) Современный рабочий класс в России: проблема социальной интеграции // Вестник Московского университета. Сер. 18. Социология и политология. № 4. С. 37–45.
- Бусыгина И. (2016) Прекариат как новый вызов для мира и России // Общественные науки и современность. № 3. С. 34–47.
- Гасюкова Е.Н., Карачаровский В.В., Ястребов Г.А. (2016) Разный прекариат: об источниках и формах нестабильности социального статуса индивидов и групп // Общественные науки и современность. № 3. С. 48–63.
- Жвитиашвили А.Ш. (2013) Рабочий класс в постиндустриальном обществе // Социологические исследования. № 2. С. 33–42.
- Зборовский Г., Шуклина Е. (2003) Профессиональное образование и рынок труда // Социологические исследования. № 4. С. 99–106.
- Костина Е., Орлова Н. (2015) Рынок труда и построение профессиональной карьеры студентами // Высшее образование в России. № 11. С. 28–35.
- Кочетов А.Н. (2011) Профессиональное образование и рынок труда: проблемы взаимодействия // Социологические исследования. № 5. С. 82–90.
- Кремнева Н., Лукьянова Е. (2015) Рабочая профессия: успех или неудача? Восприятие социального положения рабочего в семейном контексте // ИНТЕРАкция. ИНТЕРвью. ИНТЕРпретация. № 10. С. 26–38.
- Кузьминов Я.И., Андрушак Г.В., Фрумин И.Д., Волков А.Е. (2013) Профессиональное образование // Стратегия-2020. Новая модель роста — новая социальная политика. Итоговый доклад о результатах экспертной работы по актуальным проблемам социально-экономической стратегии России на период до 2020 г. Кн. 1. (под ред. В.А. Мау, Я.И. Кузьминова). М.: Изд. дом “Дело” РАНХиГС, Гл. 10. С. 278–299.
- Латова Н.В. (2016) Средние специальные учебные заведения: журавль в небе или синица в руках? // Общественные науки и современность. № 1. С. 34–46.
- Макарова М.Н. (2006) Особенности трансформации рабочего класса в условиях глобализации // Журнал социологии и социальной антропологии. Т. 9. № 2. С. 59–67.
- Митягина Е.В. (2013) Квалифицированные рабочие на российских предприятиях: о мифах и реальности // Социологические исследования. № 11. С. 47–53.

Собкин В.С., Писарский П.С. (1992) Социологический портрет учащегося ПТУ. М.: Изд-во Министерства образования РФ.

Стэндинг Г. (2014) Прекариат: новый опасный класс. М.: Ад Маргинем пресс.

Чередниченко Г.А. (2011) Образовательные и профессиональные траектории рабочей молодежи // Социологические исследования. № 9. С. 101–110.

Экономические обзоры ОЭСР (2013). Российская Федерация ОЭСР, 2014.

Энгельс Ф. (1961) Анти-Дюринг. Переворот в науке, произведенный господином Евгением Дюрингом // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 20. М.: Государственное изд-во политической литературы. С. 1–338.

Abramowitz A., Teixeira R. (2009) The Decline of the White Working Class and the Rise of a Mass Upper-middle Class // *Political Science Quarterly*. Vol. 124. Iss. 3. Pp. 391–422.

Byrom T., Lightfoot N. (2013) Interrupted Trajectories: the Impact of Academic Failure on the Social Mobility of Working-Class Students // *British Journal of Sociology of Education*. Vol. 34(5–6). Pp. 812–828.

Education at a Glance 2015: OECD Indicators. (2015) OECD Publishing.

Halle D. (1984) *America's Working Man: Work, Home, and Politics Among Blue Collar Property Owners*. Univ. of Chicago Press.

Heath R. P. (1998) The New Working Class // *American Demographics*. Vol. 20. Iss. 1.

Lehmann W. (2014) Habitus Transformation and Hidden Injuries: Successful Working-class University Students // *Sociology of Education*. Vol. 87(1). Pp. 1–15.

The Role of Professional Education in the Reproduction of Russian Working Class

N. LATOVA*

**Latova Nataliya* – candidate of sciences (Sociology), staff scientist, The Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences. Address: 24/35, bld. 5, Krzhizhanovsky st., Moscow, 117218, Russian Federation. E-mail: myshona@rambler.ru.

Abstract

The analysis is based on the materials of the project “Education, labor market and social behavior of youth in modern economic situation”. In this article the data from the poll students of some average special educational institutions are analyzed. These institutions train skilled workers and employees. Till 2013 they entered the system of the primary professional education (PPE). The main function of these institutions is still the reproduction of Russian working class. Training there doesn't practically change majority interested in work “at the exit” comparing to those interested further education which is observed “at the entry” in these educational institutions. However, the working class reproduction function is complicated due to the weakness of employment mechanisms for graduates. In general, the specialized secondary schools perform their basic function with 50%. To satisfy better the needs of the majority students, these specialized secondary schools need to pay more attention to their graduates employment.

Keywords: working class, youth, education, employment, primary professional education, training skilled workers and employees, reproduction of the working class, precariat.

REFERENCES

Abramowitz A., Teixeira R. (2009) The Decline of the White Working Class and the Rise of a Mass Upper-middle Class. *Political Science Quarterly*, vol. 124, iss. 3, pp. 391–422.

Baturenko S. (2011) Sovremennyy rabochiy klass v Rossii: problema sotsialnoy integratsii [Contemporary working class in Russia: social integration problem]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 18: sotsiologiya i politologiya*, no. 4, pp. 37–45.

- Busygina I. (2016) Prekariat kak noviy vysov dla mira i Rossii [Precariat: New Challenge for Modern Societies and Its Conceptualization]. *Obshchestvennye nauki u sovremennost'*, no. 3, pp. 34–47.
- Byrom T., Lightfoot N. (2013) Interrupted Trajectories: the Impact of Academic Failure on the Social Mobility of Working-class Students. *British Journal of Sociology of Education*, vol. 34 (5–6), pp. 812–828.
- Cherednichenko G. (2011) Obrazovatelnye i professionalnye traektorii rabochey molodezhi [Educational and Professional Ways and Tracks of the Working Youth]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, no. 9, pp. 101–110.
- Education at a Glance 2015: OECD Indicators* (2015) OECD: OECD Publishing, p. 563.
- Ekonomicheskie obzoryi OESR*. Rossiyskaya Federatsiya 2013 (2014) OECD: OECD, p. 143.
- Engels F. (1961) Anti-Dyuring. Perevorot v nauke, proizvedennyiy gospodinom Evgeniem Dyuringom [Anti-During. A Pivot in Science by Mr During]. *Marks K., Engels F. Works. 2 edition. Vol. 20*. Moscow: Gosudarstvennoe izd-vo politicheskoy literatury, p. 827.
- Gasyukova E., Karacharovskiy V., Yastrebov G. (2016) Razniy prekariat: ob istochnikakh i formakh nestabilnosti sotsialnogo statusa individov i grup [Unequal Precariousness: on the Origin and Forms of Social Status Instability of Individuals and Groups]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 3, pp. 48–63.
- Halle D. (1984) *America's Working Man: Work, Home, and Politics Among Blue Collar Property Owners*. Chicago: Univ. of Chicago Press, p. 378.
- Heath R.P. The new working class. *American Demographics*. 1998, vol. 20, iss. 1, pp. 51.
- Kostina E., Orlova N. (2015) Rynok truda i postroenie professionalnoy kareryi studentami. [Labour market and professional career building of students] *Vyshee obrazovanie v Rossii*, no. 11, pp. 28–35.
- Kochetov A. (2011) Professionalnoe obrazovanie i ryinok truda: problemyi vzaimodeystviya. [Professional education and labour market: problems of cooperation] *Sotsiologicheskie issledovaniya*, no. 5, pp. 82–90.
- Kremneva N., Lukyanova E. (2015) Rabochaya professiya: uspeh ili neudacha? Vospriyatie sotsialnogo polozheniya rabochego v semeynom kontekste. *INTERaktsiya. INTERvyu. INTERpretatsiya*, no. 10, pp. 26–38.
- Kuzminov Ya., Andruschak G., Frumin I., Volkov A. Professionalnoe obrazovanie. Strategiya-2020: Novaya model rosta – novaya sotsialnaya politika. *Itogovyy doklad o rezultatah ekspertnoy raboty po aktualnyim problemam sotsialno-ekonomicheskoy strategii Rossii na period do 2020 g. Kn. 1 (pod red. V.A. Mau, Ya.I. Kuzminova)*. [Vocational Education Strategy 2020: New Growth Model – a new social policy. The final report on the results of expert work on topical issues of socio-economic strategy of Russia for the period up to 2020. Book 1 (eds V.A. Mau, Ya.I. Kuzminova)]. Moscow: Izd. dom “Delo” RANHiGS, 2013, ch. 10, pp. 278–299.
- Latova N. (2016) Srednie spetsialnyie uchebnyie zavedeniya: zhuravl v nebe ili sinitsa v rukah? [Secondary Specialized educational institutions: a crane in the sky or a tit in hand?]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 1, pp. 34–46.
- Lehmann W. (2014) Habitus Transformation and Hidden Injuries: Successful Working-class University Students. *Sociology of Education*, vol. 87 (1), pp. 1–15.
- Makarova M. (2006) Osobennosti transformatsii rabochego klassa v usloviyah globalizatsii [The features of working class transformation within globalization]. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii*, vol. 9, no. 2, pp. 59–67.
- Mityagina E. (2013) Kvalifitsirovannyye rabochie na rossiyskikh predpriyatiyah: o mifakh i realnosti. [Qualified workers on russian enterprises: on mafia and reality] *Sotsiologicheskie issledovaniya*, no. 11, pp. 47–53.
- Sobkin V., Pisarskiy P. (1992) *Sotsiologicheskiy portret uchashchegosya PTU*. [Sociological portrait of PTU student] Moscow: Izd-vo Ministerstva obrazovaniya RF. 44 s.
- Standing G. (2014) *Prekariat: novyyi opasnyiy klass* [The Precariat. The new dangerous class] Moscow: Ad Marginem Press. 328 s.
- Zborovskiy G., Shuklina E. (2003) Professionalnoe obrazovanie i ryinok truda [Professional Education and labour market]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, no. 4, pp. 99–106.
- Zhvitiashvili A. (2013) Rabochiy klass v postindustrialnom obshchestve [Working class in the postindustrial society]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, no. 2, pp. 33–42.